

РУНЫ НА АСФАЛЬТЕ

НАТАЛЬЯ
ЯКОВСОН

ИЗУВЕЧЕННЫЙ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я46

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Яacobсон, Наталья Альбертовна.

Я46 Изувеченный / Наталья Яacobсон. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Руны на асфальте. Городская мистика).

ISBN 978-5-04-096011-8

Клер — востребованный художник-иллюстратор с внешностью златокудрого ангелочка. Само собой разумеется, что и рисунков от нее ждут таких же — вызывающих самые добрые и светлые чувства. Но не тут-то было... Клер рисует ужасы, поначалу не подозревая, что сеет вокруг себя смерть. Герой ее романа Изувеченный — то ли демон, то ли призрак, то ли человек. Он появляется из зеркала, принимая различные обличья, но независимо от того, красавец он или урод, Изувеченный для Клер лучший мужчина на свете. Ведь с ним так сладко... убивать...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096011-8

© Яacobсон Н., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Еще один надрез. Лезвие скользнуло по коже, и тут же возникла боль. Внезапная, режущая, обжигающая боль.

Клер поморщилась и отложила нож. Боль резанула сильнее, чем обычно, но иллюзии тут же отступили. Зеркало перед ней было пустым, в нем отражались лишь кафельные стены ванной, ее собственное чистое, похожее на ангельское лицо, собранные в хвост золотые локоны и кровоточащая резаная рана чуть повыше локтя. Следы от нескольких уже заживших порезов остались возле плеч. «Хорош ангелочек», — криво усмехнулась она и тут же стала серьезной. В ангелах есть что-то мистическое и вызывающее, невинность не бывает такой прекрасной, как тайна, скрытая в них, долг жестоко карать чужие грехи и даже самих себя. Что тут доброго?

Не только в падших ангелах, но и в настоящих скрыта какая-то жестокая, необъяснимая сила. Что и делает их такими притягательными. А что заставляет людей, внешне схожих с ангелами, увлекаться собственными страхами и даже реализовать их?

Что-то завораживающее есть в том, как лезвие рассекает кожу, как некоторые люди наносят порез бритвенным лезвием на собственный язык или сдирают кожу с губ. На последнее она бы не решилась. Шрамы, оставшиеся у нее на теле, мож-

но скрыть, надев куртку. К лицу же лезвием она никогда не прикасалась.

Клер потрогала кончиками пальцев последний порез, и боль обожгла еще сильнее. Зато видения пропали. Она хотела заставить некоего демона внутри своего сознания замолчать, и он смолк. На время, до тех пор, пока боль не станет менее сильной. Затем он вернется вновь, но она знает, как его остановить. Нож всегда лежит возле зеркала и притупляется от оставшейся на нем крови. А вот в самом зеркале царит пустота.

Где лицо, которое она еще недавно видела? Притягательное, обворожительное, ни с чем не сравнимое лицо. Клер протянула руку ладонью вперед и прикоснулась к зеркалу. А лицо со шрамами? Жуткая маска из содранной кожи и порезов? Клер с отвращением отпрянула. Где тот, кого она любит? Кто он? Что ждет ее на его пути, куда он так старательно ее заманивает? Она не видела сейчас его шрамов, но другие увидят, те, кого он убьет сегодня ночью. И никто даже не поймет, что эти люди погибли не случайно.

— Донатьен, — ее губы округлились, когда она произнесла это имя. Изувеченный или прекрасный? И почему ей пришло в голову слово «изувеченный»?

Клер многого бы не знала, но явился он, и ей пришлось узнать ... пока не все, многое оставалось тайной. Он приходил все чаще, и только боль отпугивала его. Ее боль. А вот болью других людей он даже наслаждался. Почему же он не хотел заставить страдать ее? Шрамов уже и так было много. Коснется ли она когда-нибудь лезвием своего лица? Только в случае крайней необходимости. А пока демон исчез. Только стоит ли называть его демоном? Ведь на самом деле он представляет из себя нечто куда более ужасное...

Глава 1

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

Утро в Лондоне. Привычный шум транспортного движения. Гомон толпы. Слепящее солнце. Клер шурилась на яркие солнечные лучи. Она не привыкла вставать рано. С недавних пор ее стала привлекать ночь. Если бы не дела, она бы не поднялась с постели.

Так все началось. Учеба, работа, мысли о занятиях... Все смешалось в сплошной кокон привычной и надоедливой рутины. Она не ждала сегодня чего-то необычного. Самым необычным, что с ней случилось, был ранний подъем и чашка кофе за завтраком.

Ей не хотелось отрывать голову от подушки, но пачка набросков в папке ждала. Клер давно собиралась отвезти свои работы на студию. Сегодняшнее утро было подходящим для этого — у нее как раз кончались деньги.

Мысль о том, чтобы вернуться в университет, пугала. Клер ненавидела учебу. Ей не давалось постигать научные знания. Зато бог наградил ее талантами, которые приносили небольшую прибыль. Ей этого хватало. Даже вполне. Клер привыкла жить скромно. Единственной роскошью, какой она обладала, пожалуй, было ее лицо. Люди часто

проводили ее восхищенными взглядами. Нечасто увидишь нечто столь прекрасное посреди привычной городской суеты. Клер же привыкла к своей красивой внешности настолько, что особым подарком небес ее не считала. До сегодняшнего дня. Сегодня она поняла, что все может в один миг измениться.

В этом мире нет ничего стабильного. Даже божественно прекрасные вещи за один миг могут обратиться в пепел. То же относится и к людям. Их так же легко уничтожить, как какую-нибудь музейную редкость эпохи Ренессанса. И останется только жуткий испепеленный остов. А самое худшее, если в обожженном пепле все еще будет продолжать теплиться жизнь.

Клер спала на ходу. Трамвай оказался полупустым. Она села на двухместное сиденье и прислонилась лбом к окну. Проездной билет лежал в кармане. Запах хот-догов и горчицы щекотал ноздри, но Клер не ощущала голода. Ей казалось, что к повседневным запахам духов и пота толпы примешивается тонкий аромат свежей розы. Прикрыв веки, Клер представила себе эту розу, только что срезанную в каком-либо волшебном саду. Чьи-то пальцы сжимают колючий стебель, и вдруг на шипах проступает кровь. Как похоже на ее обычные сны!

Клер с трудом разомкнула веки. Солнечный свет причинял боль глазам. Очень хочется спать. В голове и теле такое ощущение тяжести, что лучше бы умереть. Лишь силой воли она заставляла себя удерживаться на сиденье и смотреть на мелькавшие мимо городские пейзажи.

Лондон — милостивый город. В нем все так спокойно и хорошо. Близость Темзы приятна. А в Тауэре больше не держат узников. И все же...

Каким-то уж слишком тихим был сегодняшний день.

Клер взглянула на свое прелестное отражение в оконном стекле автобуса и слегка приободрилась. Она выглядела отлично. Собственный облик в отражающих предметах всегда поднимал ей настроение. Однако сегодня на окне мелькнула какая-то тень. Будто чужое отражение наслоилось на ее собственное. И хотя сиденье рядом было пустым, Клер осторожно обернулась. Рядом никого. А ведь она была почти уверена, что кого-то видит...

Вдруг произошло нечто подобное солнечному удару. Клер даже не ожидала такого. Автобус сделал остановку, и в него вошла пара. Самые обычные подростки на вид, но Клер будто окатили кипятком. Она даже чуть не выронила папку с эскизами. Да что же с ней?! Эти люди... Она и раньше видела пары, но эта... Девушка на вид самая обычная, с мышинным хвостиком и неброским макияжем на лице. Но парень, обнявший ее за талию... Клер не могла оторвать от него глаз, и чувство, что ее ошпарили, только усилилось. Что в нем такого, в этом парне? Он ведь ей даже не понравился. Однако что-то в изгибе его бровей, в линии губ и в чуть по-женски уложенных волосах показалось ей смутно знакомым.

Удар, подобный удару током. На миг Клер потеряла чувство времени и ориентацию в пространстве. Когда пара вышла из автобуса, она все еще ощущала себя полумертвой. Время будто остановилось, вместе с ним замерла и жизнь. Преодолевая ступор, Клер обернулась. За окном отъезжавшего автобуса парня с девушкой, конечно, уже не рассмотреть. Они давно остались позади вместе с автобусной остановкой, но какой-то молодой человек, идущий по тротуару, тут же привлек вни-

мание Клер. Тот ли это парень? Или кто-то очень на него похожий? Кто-то смутно знакомый и в то же время совершенно чужой.

У Клер перехватило дыхание. Она ощущала себя так, будто обратилась в статую. Боль! Вот что ее охватило при виде незнакомого молодого человека. Боль, пронзившая как ножом. Боль, подобная сильному солнечному удару. Но почему? Ведь это была не любовь и не страсть, и в то же время голуу жгло как огнем. Клер прикрыла веки, чтобы справиться с собой. Лицо, возникшее в ее сознании, оставалось красивым лишь миг. Наверное, это ее собственная боль играла с памятью шутки. Красивый лик горел как в огне, покрываясь шрамами и увечьями. Клер стало страшно.

У нее отменное воображение. Именно оно позволяло ей писать картины. Она умела придумывать для рисунков сюжеты, которые не давались больше никому. Однако сейчас фантазия была ни при чем. Наверное, сказала бессонница. Невыспавшиеся люди всегда становятся наиболее впечатлительными. Как, впрочем, и пьяные. Или принимающие наркотики. Клер, к счастью, относилась только к первой категории. Но она слышала о видениях, которые преследуют наркоманов. Сегодняшнее ее видение было подобно их галлюцинациям. Лицо ангела в огне каких-то противостественных мук. Ей самой ничего такого не пришло бы и в голову. Она предпочитала рисовать более спокойные сюжеты: фей и эльфов в саду, русалок в лагунах, лепрехунов на цветах. Сказочные сюжеты перемежались картинками природы и ярких экзотических птиц. Клер любила запечатлевать все красивое. В ее работах не было жути и мистики. Ничего зловещего. Это был ее главный принцип — только радовать глаз, а не пугать зри-

теля. Она избегала зловещих намеков. Но сегодня ей вдруг захотелось нарушить все правила. Взять и нарисовать нечто настолько ужасное, что это напугает всех. Как ее напугало в полусне лицо, вначале красивое.

Опасно дремать на ходу. Может померещиться все что угодно. Клер не хотелось разрушать привычные стереотипы, и все же пальцы потянулись к карандашу. У нее как раз осталось минут десять до нужной остановки и несколько чистых листов бумаги для набросков. Нужно с толком провести эти минуты. Автобус плавно двигался по дороге, а карандаш по бумаге. Она так старалась в точности воспроизвести увиденное лицо, что чуть не пропустила нужную остановку.

В студии ей сопутствовала удача. Она продала все работы и получила заказ проиллюстрировать сразу много волшебных сказок. Никогда в жизни ей так не везло! Во-первых, рисовать нужно на любимую тему, во-вторых, ей хорошо заплатят. Клер уже получила аванс и собиралась посидеть за обедом в каком-нибудь кафетерии. Она как раз высматривала наиболее симпатичное здание среди уличных забегаловок, когда ее взгляд снова привлек прохожий.

Незнакомец оглянулся будто именно на нее, и в то же время он смотрел куда-то мимо. О боже, как он прекрасен, пронеслось в голове, словно молитва. Как нечто столь прекрасное может быть живым? Ему место не здесь, не в Лондоне. В каких-нибудь дворцах Италии или Франции, в музейной витрине, среди галереи идеальных изваяний... да, там может встретиться нечто подобное. Но только не здесь. Не на прохожей части улицы. Клер чуть не вскрикнула, заметив, что какой-то

автобус движется прямо на него. Но юноша не обращал внимания на транспортный поток. Он снова оглянулся на Клер. Теперь уже точно на нее. Его голубые глаза вспыхнули, как лезвие на солнце. Клер даже не успела внимательно рассмотреть его черты. Они рушились, как бумага под напором огня. В буквальном смысле! Вот его кожа обугливается и горит, вот появляются жуткие разрезы глубиной до кости, вот ядовитые язвы проедают лоб... И ничего не остается от красоты. Только жуткая маска ран. Но это все еще он. Тот, кто привлек ее внимание, будто ангел с небес. Тот, кто еще минуту назад так разительно отличался своей красотой от невзрачной толпы. И вот он изувечен.

Клер хотела кричать и не могла. Губы не слушались. В горле будто застрял холодный ком. Она видела незнакомца всего миг, и вот его уже нет. Неужели ей померещилось? Наверное, да.

Девушка устало понурилась, развернулась и пошла прочь, сама не зная куда. Как странно, что воображение играет с ней такие шутки.

Однако гомон и крики на соседней улице не были воображением. Народ, столпившийся там, что-то бойко обсуждал, звенели сирены «Скорой» и полиции. Клер заметила также пожарные машины. Что-то случилось. Столпотворение на ранее мирной улице, по которой она только что проходила, не говорило ни о чем хорошем.

Клер с трудом протиснулась меж зевак. Она не знала толком, что произошло, только видела нагроможденные обломки, чувствовала запах гари от обугленных тел, которые увозили на носилках санитары. Перед тем как трупам закрыли лица, она все же успела их рассмотреть. Жуткие маски из мешанины костей, ожогов и ран. Их бы никто не узнал. Но Клер узнала. Причудливые браслеты

на руках мертвого парня и пеструю юбку девушки. Та самая пара, которую она утром видела в автобусе! Но как такое может быть?

— Как? — Она сама не заметила, что произнесла это вслух.

— Неоновая вывеска загорелась, там, наверху, — услужливо указал ей кто-то из зевак, стоявших рядом, ведь он не понял, что она имеет в виду. Клер смотрела на обломки вывески, как на свой катафалк. Почему она обратила пристальное внимание именно на тех, кто был обречен? Не ее ли желание освободиться от боли их убило? От боли, которая возникла, как вспышка, при виде этих людей.

Глава 2

ЛАБИРИНТЫ СНОВ

Ей не хотелось сразу приниматься за работу. Пальцы, измазанные в угле и красках, будто молили об отдыхе. Клер вспоминала сегодняшнюю беседу с работодателем на студии. Он хвалил ее. Говорил, что в ее работах было нечто новое и необычное, что, даже когда она рисовала на «заезженные» темы, она делала это с какой-то удивительной новизной.

Клер не любила, когда ее расхваливали, поэтому не слушала, а изучала глазами картины, висевшие на стенах в тамбуре. Они красиво сочетались с пурпурными ламбрекенами. Здесь не было контраста, только слияние золота рам и роскошных алых тонов стенной обшивки. Ее взгляд привлекла одна картина, написанная в жутком готическом стиле, но с элементами эпохи Ренессанса. Она

резко выделялась среди пейзажей и натюрмортов. «Помни о смерти», — будто говорил ее сюжет. Если бы не жуткие элементы росписи, то она походила бы на старинный музейный экспонат.

— Кто это? — поинтересовалась Клер, кивая на жуткий портрет. Губы почти не слушались.

— Кого вы имеете в виду?

Вежливый вопрос слегка изумил. Разве не ясно, кого? Ведь холст с портретом выделяется на однообразном фоне остальных картин, украшавших стены!

— Аристократа с черепом. — Клер поднесла руку к своему горлу, будто по нему сейчас мог пройти такой же нож, как тот, что этот человек сжимал в руке. В углу холста как раз была изображена зарезанная жертва в роскошном старинном наряде. Вокруг трупы рассыпался жемчуг. Такой же, как у нее. Клер нащупала на горле мелкие жемчужинки тонкого ожерелья, которое почти никогда не снимала. Ей всегда нравился жемчуг. Его чистые гладкие горошинки воплощали и невинность, и смерть. Собранные из погибших от этого устриц, скорее всего, они символизировали последнее.

— Знаешь, а тебе надо начать рисовать в готическом стиле, — заметил ее наниматель как бы невзначай, но, кажется, он спешил к чему-то ее подтолкнуть. — Сейчас это приносит массу прибыли и выгод. Модное направление. — Он покосился на портрет. — Смерть и красота. Как раз то, что требуется публике для остроты ощущений.

— Я подумаю об этом, — пообещала Клер. На самом деле она думала о чем-то подобном уже давно. Красота и смерть действительно привлекают, когда они представлены в равномерном сочетании. Когда и того, и другого поровну. И великолепия, и ужаса.

Клер искала контрасты, собирая у себя дома и прекрасные вещи, и отпугивающие. Трагические маски перемежались на стенах с роскошными венецианскими. Антикварные зеркала отражали черепа из магазинчиков, где торговали «прикольными», по выражению Клер, вещицами. Именно контраст жути и роскоши создавал сильный эффект. Этот эффект она должна внести и в свои работы. Это будет не сложно. Сказки, которые она иллюстрировала, станут лишь переходом к чему-то более грандиозному. Сама сказочная основа уже становилась зыбкой. На ее картинках гномы хранили свое золото среди человеческих скелетов, тролли несли в мешках отрубленные головы принцесс, феи на кладбищах пили кровь мертвых рыцарей. Даже самая красивая сказка должна быть в чем-то страшной, чтобы произвести должный удар по восприятию людей. Произведение искусства должно быть незабываемым. Клер заснула с этими мыслями.

Венецианские маски следили за ее сном. Тени бегали по картине с видом на мост Вздохов в Венеции. Клер часто жалела, что живет не там. Ее тянуло к каналам. Сегодня ей снился шум воды, колыхание шелковых штор и острота лезвия. Во сне кто-то поднес нож к ее шее, примеряясь срезать то ли кожу, то ли жемчужное ожерелье, с которым она не расставалась. Либо одно, либо другое... Клер вздохнула во сне. Рука с лезвием, снявшаяся ей, была обожжена. Такой ужас!

Проснувшаяся девушка приоткрыла веки. Кругом стояла ночь. Густая темнота окутала все, кроме некоторых фосфоресцирующих деталей интерьера. Клер даже пожалела, что не включила настольную лампу перед сном. В комнате было так тихо и темно, что по коже пробегали мурашки. К тому